

Франсуа Борд и древний каменный век¹

Франсуа Борд был одним из выдающихся археологов-палеолитчиков второй половины двадцатого века. Его имя не связано с какими-то из ряда вон выходящими открытиями, сопоставимыми с революционными по своему значению находками, делавшимися в его время, скажем, в Тропической Африке, Восточной Европе или Австралии. Он в основном работал в области, которая еще до него была весьма основательно «вспахана» исследователями каменного века, а именно, занимался исследованием пещерных памятников Перигора в юго-западной Франции. Строго говоря, это не пещеры, но довольно обширные и глубокие полости в известняковых бортах долин, которые служили в качестве излюбленных мест обитания для палеолитических людей. Исследователями среднего и верхнего палеолита эти памятники традиционно рассматривались в качестве эталонных. Таким образом, основное значение вклада Борда заключается не столько в новизне сделанных им археологических находок, сколько в его новаторском подходе как к методике раскопок, так и к методике анализа получаемых в результате комплексов каменных изделий. И то и другое имело глубокое влияние на археологию палеолита всей Евразии, иногда выходящее и далеко за ее пределы. Кроме того, возможно, больше волей случая, чем в силу умысла, бордовские новации сыграли важную роль в методологических и теоретических спорах, разгоревшихся в то время среди археологов Нового Света.

Среди англосаксонских археологов (французы настаивают именно на таком обозначении своих британских и североамериканских коллег) еще можно, наверно, найти тех, кто нарисовал бы более красочный портрет Франсуа Борда, чем я. Мне, однако, довелось много наблюдать этого человека в последние двадцать лет его жизни; я часто работал в тесной связи с членами его исследовательской команды, и на протяжении шести лет он осуществлял официальный надзор над проводившимися под моим руководством раскопками открытой стоянки Солвье. У нас установились сердечные — но никогда не переходившие

---

¹ Перевод Л. Б. Вишняцкого. Близкая англоязычная версия этой статьи была опубликована в 2011 г. в ежегоднике *Backdirt*, издаваемом Котценовским институтом археологии при университете Калифорнии.

в интимно-задушевные — отношения, и, честно говоря, в полной мере я сумел оценить его личные качества и профессиональные достижения только уже после его смерти. Так или иначе, написанное ниже представляет собой всего лишь набросок, и притом очень субъективный, портрета этого человека и очерка его деятельности. В ряде других работ я дал более формальный анализ его научного образа мышления — эти публикации легко найти в Интернете. Особенно же интересным для читателей может оказаться сборник «Франсуа Борд и преистория» (*François Bordes et la Préhistoire*), вышедший под редакцией Франсуазы Дельпеш и Жака Жобера в 2011 г.

История жизни Борда

Анри Луи Франсуа Борд (рис. 1) родился в 1919 г. в той части юго-западной Франции, что зовется Черным Перигором, в краю величавых скал, густых лесов и зеленых долин, по которым разбросаны многочисленные деревни, чарующие своим все еще хорошо сохранившимся средневековым и ренессансным обликом. Борд рос в среде провинциальной буржуазии, обеспеченной и хорошо образованной, но при этом — подобно окружавшему ее неотесанному крестьянству — прочно укорененной в традиционной культуре региона с ее предрассудками и обычаями. Одним из его увлечений в детстве был знаменитый в то время роман Ж. Рони «Борьба за огонь», все еще читаемый и в наши дни и обретший новую жизнь в американском фильме «Поиски огня». Другое, еще более важное увлечение — велосипед, на котором он совершал дальние экскурсии, позволившие ему вскоре близко познакомиться с естественной историей и археологией Перигора. Его рано раскрывшиеся таланты не остались незамеченными, и уже в возрасте пятнадцати лет он получил

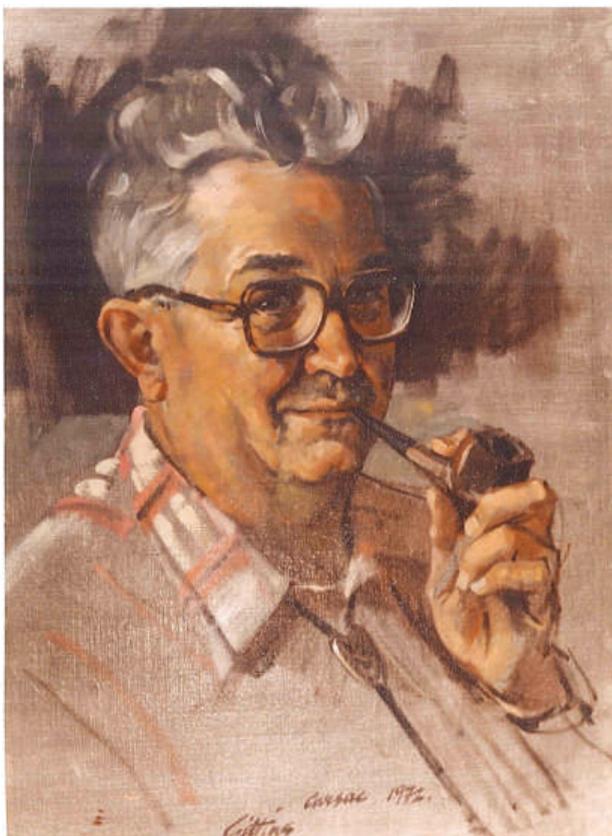

Рис. 1. Портрет Борда кисти Элвина Гидденса.

Fig. 1. Portrait of Bordes by Alvin Giddens.

разрешение на проведение раскопок грота Ле Рок де Говодун (Le Roc de Gauvaudun). В 1936 г. он поступил в университет Бордо, где специализировался по геологии и биологии и где встретил свою будущую жену — Дениз де Сонневиль-Борд, которой предстояло стать ведущим французским специалистом по верхнему палеолиту.

Когда разразилась Вторая мировая война, он оказался в армии, но вскоре после падения Франции был демобилизован. Поражение стало шоком и, без сомнения, подпитывало его агрессивный шовинизм. В 1942 г., когда немецкая оккупация распространилась на всю страну, он примкнул к Сопротивлению как маки. Иногда, чтобы избежать отправки в Германию, ему приходилось скрываться под видом шахтера. Позже Борд вспоминал об этом периоде как о времени, когда он в буквальном смысле работал «в подполье» [underground — букв. «под землей». — *Прим. перев.*]. Два полных опасностей и богатых событиями года он сражался в отрядах маки, затем ненадолго вновь оказался на военной службе, конец которой положило тяжелое ранение гранатой. В конце войны он вернулся к университетской жизни и в 1951 г. получил докторскую степень, защитив в Сорбонне диссертацию, где подверг серьезному пересмотру стратиграфию лессово-щебнистых отложений археологических памятников Парижского бассейна. В 1956 г. он получил место в университете Бордо, где быстро собрал вокруг себя группу студентов и исследователей, ставшую зародышем знаменитого Института квартера (Institut du Quaternaire). А вскоре Борд уже властвовал над палеолитической археологией всего Перигора. Так продолжалось вплоть до его безвременной смерти от сердечного приступа 25 лет спустя, во время пребывания в университете Аризоны в Тусоне. Он похоронен в перигордийской деревне Карсак, где у него был дом, служивший ему и личным убежищем, и раскопочным штабом.

Борд-человек

Борд был ни на кого не похож. Крепкий, энергичный, непоседливый, взрывной. Он мог быть резким, грубым, брюзгливым. Периодические и, по-видимому, не поддававшиеся контролю вспышки его гнева бывали столь же обескураживающими, сколь и неуместными. Свойственна ему была и некоторая напускная раздражительность. Приведу лишь один пример: раскалывая кремень, в чем он был специалистом, и достигнув к своему огорчению неизбежной стадии полного срабатывания ядрища, он часто с отвращением отшвыривал его от себя, сопровождая бросок криком «Дерьмо!». Несмотря на нередкие приступы плохого настроения, он, тем не менее, был очень добродушен, особенно когда оказывался в веселом обществе работающих на раскопках студентов (рис. 2), или в компании одного-двух опытных коллег, изучающих с ним вместе стратиграфию (рис. 3), или же отдыхая в кругу соотечественников, имеющих одинаковые с ним культурные корни и разделяющих его взгляды. В последнем случае он мог производить просто чарующее впечатление, быть интересным и приятным собеседником. Его обычная подозрительность по отношению к другим нациям никогда не распространялась на их конкретных представителей (может быть, за исключением англичан), которых он охотно принимал в качестве участников своих раскопок и в качестве студентов. И он необычайно щедро делился

своими данными с другими исследователями, независимо от их национальной принадлежности, если они достигли достаточной степени профессионализма в своем ремесле.

Я использовал слово «ремесло» намеренно, поскольку сам Борд — и это являлось одной из ключевых граней его личности — считал себя профессиональным ремесленником-полевиком, практиком (*homme de terrain*). Это, в сочетании с природным своенравием, нередко побуждало его надевать личину интеллектуального филистера (однажды он составил для меня список знаменитых книг, которые *не* взял бы на необитаемый остров, позаботившись о том, чтобы

Рис. 2. Борд среди студентов на раскопках Пеш де л'Азе.

Fig. 2. Bordes excavating at rockshelter of Pech de l'Azé with student crew.

Рис. 3. Борд (в ковбойской шляпе и галстуке боло), Жан Госсен (последний из великой плеяды французских преисториков-любителей) и автор на стоянке Сольвье.

Fig. 3. Bordes (note cowboy hat and bola tie), Jean Gausсен (the last of the great French amateur prehistorians), and author at the site of Solvieux.

не пропустить в нем ни одно из великих произведений, рассматриваемых большинством из нас — по крайней мере, на словах — в качестве наиболее важных). Однако его библиотека и беседы с ним свидетельствуют том, что он был исключительно хорошо начитан. Более того, он был популярным писателем-фантастом, творившим под псевдонимом Франсис Карсак (это, конечно же, от названия его любимого местообитания в Перигоре) и опубликовавшим семь романов и несколько десятков рассказов. Интересно, что будучи переведенными на несколько европейских языков (особенно хороший прием они получили в России), его произведения никогда не выходили на английском. Я не фанат научной фантастики и уж совсем не судья в этой области, но хорошо помню, насколько меня поразила одна из его историй, где речь шла о некоей загадочной планете, обитатели которой были полностью обездвижены апатией. Не могу не подозревать, что этот сюжет особенно интересовал, а где-то и беспокоил Борда, никогда, насколько мне известно, не страдавшего от отсутствия любознательности, обладавшего способностью почти тактильного восприятия окружавшего его мира и никогда не скучавшего. Следует добавить, что писательство сказало на стиле его научных работ — ясном, простом и цельном. На мой взгляд, мало кто из преисториков мог соперничать с ним в этом отношении.

Хотя в целом я считаю Борда замечательным человеком и, безусловно, выдающимся ученым, есть два негативных момента, обусловленных его самолюбием, которые, на мой взгляд, снижают, или, во всяком случае, затеняют его достижения. Во-первых, он способствовал развитию фракционности в научной жизни Франции, что, в частности, выразилось в его неспособности наладить отношения с парижской школой, возглавлявшейся Андре Леруа-Гураном. Правда, другая сторона действовала так же. Трудно представить два столь разных характера: задиристый, «упертый» геолог из Бордо и несколько застенчивый, разносторонне образованный, иногда, возможно, злоупотребляющий своим богатым воображением ученый из Парижа. Тем не менее, несмотря на интеллектуальные различия и явную несхожесть манер, два этих исследователя играли взаимодополняющие роли и могли многому поучиться друг у друга. Примирение между ними в какой-либо форме могло бы удвоить силы французской археологии палеолита, чего, к сожалению, не случилось. Человек более прозорливый, нежели Борд, понял бы это.

Второй негативный момент, без сомнения, связан с первым. Это вера Борда в то, что он обнаружил единственно правильный подход к археологии палеолита и что, следовательно, задача его преемников должна заключаться, главным образом, в разработке тех аспектов этого подхода, на которые у него самого не хватило ни времени, ни склонности. По-видимому, речь могла идти о не более чем интеллектуальной «отделке» того, что уже было сделано им. Он сам однажды сказал мне об этом так: «Смотри, Джим, вот я построил город, проложил улицы, канализационные сети и линии электропередач, возвел дома; если ты хочешь поставить фонтан на площади — смело приступай к работе». Конечно, гордыня такого рода — совсем не редкое явление среди выдающихся археологов, привыкших к доминированию в своей области, но рано или поздно она пасует перед безостановочным развитием науки, которое постоянно принимает новые и часто неожиданные повороты. В итоге ученый оказывается перед

выбором: либо бороться с новым, либо сместить свою деятельность в сферу, где его взгляды, практические приемы и репутация все еще имеют большую ценность. Возможно, это объясняет тот факт, что последние три года своей исследовательской деятельности Бورد посвятил в конечном счете не Перигору, а стоянкам древних обитателей бассейна р. Мерчисон на западе Австралии.

Традиционный подход

Обратимся теперь к профессиональным достижениям Борда. Дать обзор таковых для читателей, которые, возможно, не слишком интересуются вопросами седиментологии пещерных отложений, типологии каменных орудий и систематики индустрий — пугающая своей сложностью задача. Вероятно, в глазах неспециалиста никакой другой корпус археологических текстов не может выглядеть более мудреным и непонятным, чем посвященные перечисленным темам 170 статей Борда, составляющие основу его наследия. Однако он был не только одним из наиболее талантливых и знающих представителей своего ремесла, но еще и создателем новаторского подхода, оказавшего, как мы уже отметили, огромное воздействие на изучение древнего каменного века далеко за пределами Перигора.

Суть вклада, внесенного Бордом в изучение палеолита, легче всего показать на фоне того, что ему предшествовало. Назовем это «традиционной» эрой — в противоположность сменившей ее «бордовской» эре. Имея дело с тафономически сложными памятниками и трудными для понимания — можно сказать, вызывающе чуждыми по своей природе — каменными орудиями палеолита, традиционные исследователи практиковали некую форму «прямолинейной», как я ее называю, археологии. Иными словами, они исповедовали ремесленный подход к работе с археологическими материалами, занимаясь в основном узко эмпирическими вопросами типологии артефактов и состава вмещающих их отложений. Отвергая палеоэтнологическую интерпретацию как, в лучшем случае, преждевременную спекуляцию, они сосредоточивали свои усилия на систематике индустрий, т. е. на задаче определения типологической вариабельности изучаемых ими комплексов каменных орудий, и на конструировании на этой основе — с учетом также той информации, которую можно было извлечь из стратиграфии, — таксономических схем, показывающих, как выделенные индустрии группировались во времени и пространстве. Их цель, коротко говоря, состояла (и, возможно, во многом все еще состоит) не в интерпретации, а, скорее, в фиксации вариабельности каменных индустрий, структурирующей материалы эпохи палеолита.

Разумеется, все дисциплины, связанные с раскопками и с осмыслением памятников прошлого, основываются на той или иной форме прямолинейной археологии. Что отличает традиционное палеолитоведение, так это исходная посылка (вполне понятная с учетом эмпирической опоры дисциплины на каменные орудия и стратиграфию, а также ее тесную историческую связь с геологией), согласно которой подходить к изучению археологических материалов каменного века следует так же, как еще раньше стали подходить к исследованию ископаемых материалов палеонтологи. При этом могут использоваться такие слова, как «культура» или «племя», но означают они лишь то, что каменные

орудия делались людьми, и что эти люди, без сомнения, были примитивными. Однако, учитывая совершенно особую природу археологических материалов, не удивительно, что стремление к большей результативности побуждало палеолитчиков рассматривать каменные изделия, по крайней мере, метафорически, как если бы они и в самом деле были ископаемыми существами. Наиболее замечательным проявлением этого была попытка строить систематику на руководящих ископаемых (*fossiles directeurs*), т. е. специфических типах артефактов, таких как мустьерские рубила, граветтские острия или солютрейские лавролистные наконечники, которые в силу их ограниченного распространения мыслились в качестве маркеров основных «культурных» традиций (возможно, правильнее называть их «индустриальными блоками») палеолитического времени.

Далее, концепция руководящего ископаемого предполагала принятие еще двух имплицитных посылок. Согласно первой из них, палеолитические материалы аналогичны палеонтологическим в том плане, что можно ожидать четкую корреляцию между археологическими слоями и естественными стратиграфическими пачками отложений, в которых эти слои найдены. Согласно второй, любой индустриальный комплекс, как и любой палеонтологический комплекс, должен быть более или менее постоянным в своих проявлениях, т. е., иными словами, всякая орудийная традиция на каждом пространственно-временном отрезке ее существования может быть представлена лишь одним характерным типом индустрии.

С позиций наших нынешних знаний о сложности палеолитических материалов легко видеть, насколько сильное ограничивающее влияние палеонтологическая модель оказывала на представления традиционных преисториков. Ожидая обнаружить жесткую корреляцию между культурной и природной стратиграфией, они полагали достаточным проследить в процессе раскопок лишь основные, наиболее явные стратиграфические подразделения, т. е., как правило, мощные и относительно гомогенные в седиментологическом плане слои, которые и в самом деле могут отражать основные эпизоды истории формирования отложений, но при этом включать в себя несколько обособленных археологических горизонтов, часто весьма отличающихся друг от друга с точки зрения типологического состава связанных с ним комплексов. В результате сама методика раскопок произвольно вела к смешению разных горизонтов, а как следствие и к смешению археологических материалов из этих горизонтов. В то же время различия, отделяющие одну археологическую индустрию от другой, определялись главным образом в терминах наличия или отсутствия ключевых форм орудий (руководящих ископаемых). Типологии же изделий, считавшихся «недиагностичными», уделялось столь мало внимания, что значительная часть каменных артефактов, извлекавшихся на свет в процессе раскопок, вообще никогда не попадала в лаборатории. Как ни печально, но во многих случаях историки археологии палеолита могли бы извлечь весьма богатую информацию не столько из чтения старых полевых отчетов, сколько из раскопок отвалов, оставленных авторами этих отчетов и содержащих множество выброшенных ими каменных изделий.

В результате всего этого комплексы артефактов, происходящие из определенного региона и относящиеся к определенному периоду, приобретали

однородный и вполне трафаретный облик. Когда же сравнивались комплексы, принадлежащие к разным периодам, они с неизбежностью демонстрировали четкие качественные различия, подобные тем, что прослеживаются, благодаря руководящим ископаемым, между разными фазами геологической истории. Таким образом, можно сказать, что преисторики в буквальном смысле творили некую эмпирическую археологическую реальность, которая была параллельна реальности палеонтологической, представляя собой более или менее прямолинейную последовательность неизменных индустриальных стадий, идентифицируемых и одновременно определяемых по сериям руководящих форм. Понятно, что в результате получался своего рода методологический замкнутый круг: выступая в качестве «раскопщиков», преисторики могли видеть лишь то, что они уже признали истиной, выступая в качестве таксономистов. Конечно, я преувеличиваю, и, вероятно, чрезмерно обобщаю картину, гребя всех исследователей под одну гребенку. Более того, сказанное в предшествующих параграфах следует расценивать лишь как мое личное — хотя и базирующееся на должном владении информацией — видение ситуации, поскольку представители традиционной археологии палеолита были слишком замкнуты интеллектуально и в то же время слишком связаны общими (пусть и неписаными) исходными постулатами, чтобы специально обсуждать в своих работах вопросы методики и теории. Так или иначе, я считаю справедливым утверждать, что традиционная логика исследований порождала такие методы раскопок и такие классификации, которые в огромной мере ограничивали способность ученых увидеть новое или различить тонкие нюансы в вариативности палеолитических индустрий.

Бордовский подход

Представленное выше описание того, как работали палеолитчики добордовской эры, должно значительно упростить мне задачу дать краткую характеристику того, как работал сам Борд. Хотя его достижения огромны, справедливо будет сказать, что он не столько создал археологию палеолита заново, сколько реформировал ее, четко осознав недостатки предшественников и разработав методы, позволяющие их преодолеть. Конечно, как часто бывает в науке, многие современники Борда шли тем же путем, следовали в своей работе сходным методологическим принципам и в определенных отношениях, вероятно, превосходили его. Однако величина его научного вклада в совокупности с величиной его личности наложили столь существенный отпечаток на европейскую археологию палеолита в период с 1959 по 1980 г., что абсолютно ясно, почему вся эта эпоха носит именно его имя.

Суть того, что можно назвать бордовским подходом, заключается, прежде всего, в исследовательской методологии, нацеленной на максимизацию количества и качества информации, извлекаемой из археологических материалов. Методика раскопок теперь ориентирована на тщательное прослеживание тонких стратиграфических особенностей, что позволяет вычленять комплексы артефактов, соответствующие не основным пачкам отложений, а конкретным «горизонтам обитания» и минимальным седиментологическим подразделениям, различимым в составе последних (на некоторых памятниках это привело

к почти десятикратному увеличению дробности членения по сравнению с более ранним периодом их изучения). Сохраняются не только серийные формы изделий, сформированные, как правило, ретушью, но вообще весь каменный инвентарь, включая отходы производства и неиспользованные заготовки. Тщательно документируются условия залегания археологических находок и наряду с этим, что не менее важно, производится послойный отбор представительных фаунистических, палинологических и седиментологических образцов. Получаемая благодаря этому информация используется для послойной корреляции колонок разных памятников и разработки региональной хроностратиграфии, базирующейся как на естественнонаучных, так и археологических данных. Хотя вполне правомерно говорить о том, что перечисленные изменения в методике исследований представляют собой всего лишь усовершенствование ранее существовавших раскопочных и аналитических процедур, их совместное воздействие, тем не менее, обусловило скачок в степени эффективности изучения преисториками археологических материалов. Да и вообще, если сегодня все это является обычным делом, то полвека назад было не так — во всяком случае, во Франции.

Не менее важно, что описанные достижения дополнялись новым подходом к систематике, что имело столь же значительный эффект. Говоря коротко, традиционная концепция руководящего ископаемого, согласно которой основную роль в систематике комплексов играло присутствие или отсутствие в них тех или иных индивидуальных форм, уступила место представлению о том, что главное значение должно придаваться процентному соотношению нескольких типов орудий. Опять таки, основная идея не нова. Однако именно Борд первым четко осознал, что для определения специфики индустрий в количественных терминах одних подсчетов недостаточно, и что в дополнение к ним требуется внедрение в методологию систематики еще двух новых элементов. Во-первых, необходимо развести процедуры типологии артефактов, с одной стороны, и упорядочения комплексов, с другой. Иными словами, определение формального содержания комплекса — это одна операция, а определение его генетических связей с прочими комплексами — другая. Как мы видели, такое различие никогда не проводилось четко в рамках традиционного подхода, поскольку сама внутренняя логика систематики на основе руководящих ископаемых вела к тому, что одновременно с содержанием комплекса определялось и его место в ряду прочих. Во-вторых, классификация артефактов должна охватывать весь спектр наблюдаемого разнообразия их форм, а не ограничиваться лишь несколькими его областями, потенциально обладающими наибольшей ценностью для упорядочивания комплексов. Эта «банализация» классификации в форме стандартизированных тип-листов позволяет приписать каждое каменное изделие, идентифицированное в качестве намеренно изготовленного орудия, к определенному типу и затем включить в подсчеты. Очевидно, что без такой глобальной типологической инвентаризации, отсутствовавшей в традиционной систематике, количественные оценки относительной частоты разных типов были бы по большей части бессмысленными.

Оснащенная всеобъемлющими тип-листами и некоторыми простыми, но эффективными способами статистического описания, бордовская систематика показала, что археологический материал гораздо сложнее, чем это виделось

в рамках традиционного подхода. Может быть, особенно важно, что вместо простой линейной последовательности стереотипных индустрий мы видим теперь совокупность полиморфных индустриальных комплексов, могущих в одно время принимать в каждом регионе разные внешние выражения. Для описания этого полиморфизма Борд отчеканил термин «кустистая эволюция» — *évolution buissonnante* (буквально «кустистая», но, возможно, лучше переводить как «ветвящаяся»).

Индустриальная вариабельность и мустьерский вопрос

И здесь возникает вопрос о характере бордовских предствлений. Термин «кустистая эволюция» явно несет в себе отзвук палеонтологического подхода, и в глазах Борда он вполне мог иметь не только метафорический смысл. Коли так, то следует спросить, были ли осуществленные Бордом новации по замыслу все еще в большей степени методическими, чем теоретическими. Другими словами, продолжал ли он придерживаться традиционного «палеонтологического» образа мышления? На этот вопрос нельзя ответить однозначно и следует помнить о том, что в одном и том же уме могут сосуществовать идеи, которые не только не являются логически взаимозависимыми, но и просто исключают одна другую.

С одной стороны, Борд с энтузиазмом поддерживал многие проекты, в основе которых лежали «антропологические» задачи, например, поиск жилищных структур выдающимся преисториком-любителем Жаном Госсеном, одним из пионеров изучения палеолитических стоянок под открытым небом в Перигоре, где дотоле основное внимание уделялось раскопкам пещерных памятников. Успехи Госсена сделали в итоге возможными и мои собственные работы на огромной открытой стоянке Солвье, в которых Борд также принимал участие. Одной из наших основных целей (или, по крайней мере, надежд) было выявление планиграфически изолированных «орудийных комплектов», распределение которых в пространстве могло бы послужить в качестве своего рода структурной грамматики, проливающей свет на характер разных видов деятельности, протекавшей на жилых поверхностях палеолитического времени. Идея, разумеется, не была нова, о чем свидетельствуют многие более ранние исследования, проводившиеся в Африке к югу от Сахары, а также роскошные памятники открытого типа в Парижском бассейне, к изучению которых в одно время с нашими работами приступила группа Леруа-Гурана.

Однако, с другой стороны, Борд переопределил мустье как полиморфную совокупность четырех типов комплексов, которые он считал квазиодновременными. Здесь в его мысли, как кажется, есть палеонтологические нотки, так как он утверждал, что эти типы комплексов генетически связаны с разными домустьерскими (то есть нижнепалеолитическими) индустриальными традициями. Поскольку же, говоря о таких связях, Борд иногда называл их «культурными», казалось бы логичным заключить — по крайней мере, с точки зрения антропологически ориентированных американских археологов, — что он считал, будто мустьерские типы комплексов соответствовали в реальности четырем отдельным этническим группам или «племенам», каким-то образом уживавшимся в Перигоре примерно в одно и то же время. Не правдоподобнее ли, возражали

американские оппоненты, будет объяснение, согласно которому эти типы комплексов представляли собой в действительности не результат деятельности четырех разных этнических групп, а четыре разных вида деятельности, осуществлявшихся на разных стоянках одной и той же группой?

Наиболее заметное выражение (по крайней мере, в том смысле, в каком клубящийся дым является наиболее заметным признаком парового двигателя) эти противоречия получили в так называемой мустьерской дискуссии между Бордом и Льюисом Бинфордом. Безусловно, поднятый в ней вопрос имеет огромную важность, особенно для первобытной археологии: как можно отличить по археологическим материалам функциональное от этнического, или, иными словами, как понять, обусловлены ли наблюдаемые различия тем, что делалось, или же тем, кто это делал? Здесь, однако, мы лучше не станем пытаться распутывать ход споров по этой проблеме, поскольку моя точка зрения на нее далеко не беспристрастна. Достаточно сказать, что, по моему мнению, то направление, которое приняла эта дискуссия, оказало в равной мере и благотворное и пагубное влияние на развитие археологической мысли в США и на понимание археологами Нового Света их коллег из Старого Света.

Так или иначе, но нас здесь интересует прежде всего Франсуа Борд, чья роль в этой истории отмечена некоторой двусмысленностью и парадоксальностью. Во-первых, ему, как и многим другим компетентным исследователям того времени, уже становилось понятно, что его четыре типа комплексов не отражают адекватно индустриальную вариабельность мустье. Во-вторых, его хроностратиграфическая схема для Перигора тоже начинала давать трещину: получалось, что в действительности эти комплексы не были одновременными в том смысле, в каком сначала считал их таковыми Борд. Кроме того, выяснилось, что выделение групп культурных остатков, соответствующих «жилым поверхностям» (*sols d'habitat*), т. е. дискретным эпизодам обитания, является весьма коварным предприятием даже при самом многообещающем седиментологическом контексте. Таким образом, исходные предпосылки, лежавшие в основе дискуссии, оказались под вопросом уже на ранних ее стадиях. Впрочем, сам Борд дискутировал мало, по крайней мере в печати, да и то в основном англоязычной. Вообще весь этот спор являлся преимущественно англосаксонским мероприятием, которое во Франции воспринималось с недоумением, если не с безразличием.

Сам я могу припомнить лишь два случая, когда Борд говорил со мной на эту тему, да и то это были всего лишь мимоходом брошенные замечания. Однажды он сказал, что сначала и сам подозревал, что мустьерские типы комплексов были связаны со специфическими видами деятельности, представляя собой, скорее всего, разные сезонные выражения одной и той же культуры, но впоследствии отказался от этой точки зрения, поскольку не мог найти ей подтверждения в фаунистических данных, характере очагов, особенностях структуры стоянок и т. д. Это, как я понял, должно было подчеркнуть, что он рассматривал проблему мустьерской вариабельности — как и большинство других проблем палеолитоведения — как вопрос прежде всего эмпирический и могущий быть решенным лишь строго эмпирическим путем. Другой раз, когда в разговоре всплыла эта тема, он высказался — довольно цинически — в том смысле, что настоящая польза дискуссии состояла лишь в том, что, будучи по

сути своей легко понимаемой и легко популяризируемой, она способствовала росту его известности среди англосаксонских археологов и студентов, которые в других отношениях были настолько несведущими в палеолитоведении, что не смогли бы отличить резец от рубила.

Борд в Америке

Поскольку я американец, будет уместно завершить этот очерк некоторыми замечаниями о приключениях Борда в моей стране. Впервые он увидел ее в 1959 г., много раз посещал впоследствии и именно в ней, в конечном итоге, встретил свою безвременную смерть. Его отношение к США — в полном соответствии с его противоречивым характером — было весьма неоднозначным. В том, что касалось вопросов политики, ему, как стойкому шовинисту, был свойствен инстинктивный антиамериканизм. Некоторые из его высказываний на этот счет казались грубо бестактными, особенно для тех из нас, чьи родные, друзья или соседи погибли на французской земле в двух мировых войнах. И тем не менее, не любя нашу страну, он по-настоящему любил нашу землю. Как и многих других европейцев, его особенно привлекали первозданные просторы Юго-Запада, чему, без сомнения, в немалой степени способствовал почти юношеский интерес к обычаям и преданиям старого Дальнего Запада, как он представлен в ковбойских романах и фильмах. И еще нечто, особенно нравившееся ему, было в открытости американского характера — в какой-то степени, возможно, по контрасту с пресловутой сдержанностью наших англоязычных собратьев за океаном (я полагаю, что и к австралийцам его столь сильно привлекала именно их открытость).

По моим впечатлениям, у американцев было больше шансов застать его в расслабленном и благоприятном для общения расположении духа, нежели у его соотечественников. Отчасти, возможно, это объясняется тем, что он был одинаково желанным гостем и в Нью-Йорке, и в Лос-Анджелесе, и в Чикаго, и в Сан-Франциско. Интеллектуальная жизнь в Америке, вероятно, казалась не столь проникнутой групповщиной и фракционностью, как во Франции (за ситуацию в которой, как мы видели, он сам нес некоторую ответственность). К этому добавлялось и большое уважение, которым он в силу своей давней связи с Дональдом Крэбтри пользовался среди американцев, занимавшихся изготовлением реплик каменных орудий (рис. 4). Все, кто колет камень, принадлежат к одному братству, для которого этнические, лингвистические и даже археологические границы менее важны, чем общность дела и интересов. Как следствие, Борд смог установить близкие, основанные на хорошем взаимопонимании отношения с искусными коллегами в этой области, пусть даже никогда не имевшими и не желавшими иметь никакого представления о том, как стратиграфия Пеш де Л'Азе соотносится со стратиграфией Ком-Греналь. В их обществе он мог интеллектуально расслабиться.

Борд любил американских студентов, и они отвечали ему взаимностью. Трудно было не поддаваться обаянию человека, любившего порисоваться, говорившего столь цветисто и забавно, с неистребимо сильным французским акцентом, да при том еще постоянно щеголявшего в ковбойской шляпе и галстукe боло. Но за всем этим они чувствовали его исследовательскую увлеченность,

Рис. 4. Борд за раскалыванием кремня во время пребывания в университете Калифорнии, конец 1960-х гг.

Fig. 4. Bordes knapping flint at UCLA, circa later 1960's.

его желание делиться своими знаниями; они ценили то, что он воспринимал их всерьез, если даже у них не всегда имелась подготовка, достаточная для того, чтобы следить за всеми нюансами его мысли. Я думаю, именно поэтому он позаботился о создании той яркой картины археологии мустьерской эпохи, которую мы находим в «Истории о двух пещерах» — *A Tale of Two Caves* (1972) — никогда, к сожалению, не переведившейся (насколько я знаю) на другие языки.

Отношения Борда с его коллегами в Америке трудно охарактеризовать в двух словах. Хотя почти все относились к нему с большим уважением, он был (и остается спустя тридцать лет после своей смерти) центром разногласий в том, что касается вопросов теории. Сомневаюсь, чтобы он воспринимал все это слишком серьезно. Безусловно, его восхищали достижения и энергия североамериканских археологов, и по понятным причинам он внимательно следил за развитием палеоиндейских штудий. Однако он никогда не вдавался в обсуждение утверждения, что археология это либо антропология, либо ничто, а философские установки Новой археологии его эпохи находил, по-видимому, претенциозно-наивными. При этом, вероятно, с его точки зрения ситуация усугублялась тем обстоятельством, что большинство американских археологов работало в учебных заведениях, в интеллектуальной среде, стимулировавшей отвлеченные теоретические споры (особенно среди тех ее представителей, которым в остальном просто нечего было бы сказать). Я подозреваю, что он считал — возможно, справедливо, — что для американской археологии было лучше, если бы в стране существовали полунезависимые,

эмпирически ориентированные научные учреждения, подобные великолепно-му Национальному центру научных исследований, где работает большая часть археологов Франции.

Конечно, я снова упрощаю. Никто не отрицает, что наука для своего движения вперед нуждается в хорошей теории, и Борд знал это не хуже, чем любой американец. Но он до конца оставался воинствующим «приземленным» практиком. Боролся он, однако, не с идеями как таковыми, а с невежеством и интеллектуальной претенциозностью. И если он иногда и поражал американцев свехупрощенческим подходом к теоретическим вопросам, мы должны помнить о двойственной природе его характера. Дело в том, что археологическая теория, должно быть, выглядела довольно скучным делом в сравнении с теми сокровищами творчества и воображения, которые открывались, когда умом его завладевало его второе я — Франсис Карсак. Возможно, американцы смогли бы лучше понять Франсуа Борда, будь у них возможность познакомиться также и с Франсисом Карсаком. Но Карсак, увы, никогда ни слова не сказал по-английски.

Благодарности. Я признателен Леониду Вишняцкому за перевод и Александре Грабенчук за сверку русского текста с английским.